

УДК 811.512

DOI: 10.21779/2542-0313-2018-33-3-52-60

К.З. Зулпукаров, С.М. Амиралиев, У.Н. Камардинова

О происхождении гидронимов в ностратических языках

Ошский государственный университет; Кыргызстан, 723500, г. Ош, ул. Ленина, 331; zulpukarov48@mail.ru, sem.87.90@mail.ru

Цель статьи – определить этимологию наиболее употребительных гидронимов в ностратических языках. Понятно, что концепт «вода» существует в сознании каждого человека. Его номинантами выступают самые различные языковые средства – звуки-буквы (например, в слове «ГЭС» знаком воды выступает начальный звук-буква), символы (например, H₂O), слова, части сложных слов (вод-, гидро-, ватер-, аква- и др.), словосочетания, пословицы, поговорки и другие афористические средства, тексты разного объема. Основным номинантом концепта «вода» в ностратических языках выступает пракорень *су, реализуемый в различных вариантах (сув/суу/суй/сыу/шуй...) и обладающий универсальностью, всеобщностью и нейтральностью своей семантики. Этими качествами не обладают другие гидронимы. Например, репрезентативы значений «лед», «снег», «град» обозначают денотат в твердом состоянии; слова со значениями «пар», «туман», «облако» – в газообразном состоянии; номинанты смыслов «дождь», «ливень», «ключ» и другие называют источники образования воды; лексемы «гидрометеорология», «водомер», «ватерпас» – «водные» операции с помощью определенных приборов; слова «лить», «мыть», «плавать» – действия, связанные с соответствующим веществом, и т. д. Эти номинанты воды отражают периферийные компоненты в семантической системе концепта «вода».

Парадигма номинантов концепта «вода» огромна: насчитывает несколько сотен названий, различает внутри себя типы и подтипы, классы и подклассы и поэтому может быть предметом специального рассмотрения.

Статья посвящена сравнительному изучению происхождения самых продуктивных гидронимов в контексте ностратической теории в компаративистике.

Ключевые слова: *гидроним, концепт «вода», ностратика, этимология, компаративистика, тюркские языки, ностратические языки.*

Денотат ностратического пракорня *су «вода» объемён, многообразен и крайне необходим для жизни на Земле. Вода занимает почти 71 % земной поверхности, существует в природе в жидкой, газообразной (пар, туман, облако) и твердой (лед, снег, град) формах, имеет в разных условиях жизни разный химико-биологический состав, цвет, форму, назначение и служит основой бытия растительного и животного мира.

Слово су «вода» содержит сложную и многокомпонентную семантику, состоящую из понятийного, образно-экспрессивного, символического, деривационного, этимологического и многих других слоев. Например, его понятийное содержание заключено в дефиниции «прозрачная, бесцветная жидкость, состоящая из кислорода и водорода», а его символами всегда выступают формула «H₂O» и универсальное суждение «Вода – источник жизни».

1. О рефлексиях архетипа *су «вода» в ностратических языках

Мы ниже кратко рассмотрим только этимологический аспект евразийского слова *су* «вода» с точки зрения сравнительно-исторического языкознания. Сначала приведем рефлексии пракорня **су* «вода» в тюркских языках:

1) *су* – в тур., гагауз., азерб., тат., лобнор., салар., сарыг-югур., телеут., алт., др.-тюрк. языках, в диалектах узб., уйг., кумык., кирг. языков; ср. корейск. *су* «вода»; общемонг. **su*: баоань; *си* «вода», халха-монг. *ус*, даур. *ос* «вода» (здесь, вероятно, произошла перестановка звуков) и т. д.;

2) *суу* – в кирг., балкар., алт. языках и в диалектах тувин., узб. и уйг. языков;

3) *сууг/суг/сууг/сүүк/сүг/суу* – в диалектах кумык. языка (по данным Н.А. Баскакова);

4) *сув* – в туркм., караим., кумык., казах., каракалп., ног., узб., халадж. языках, в диалектах тур. языка;

5) *суб/суб/сүв/сов/суф* – в памятниках др.-тюрк. письменности;

6) *суй* – в говорах караим. языка; ср. *суй* «вода» в япон. языке;

7) *сыу* – в диалектах тат. языка; *соу* в кит. языке («промывать, подмывать»);

8) *хыв* – в башк. языке;

9) *шыв/шав/шу* – в чуваш. языке; ср. кит. *шуй* «вода, река»; табасар. *щай* «вода» (в дювек. говоре); в тинит. говоре этого языка слог *ши-/ше-/ша-*, реализуемый в словах *шел, шар, шед, шит, шад* «вода»; в даргин. *ши-* в слове *шин* «вода», которое сравнивается с лак. *цин* (лит.) и *ссин* «вода» (диал.) [13, с. 74]; последние примеры сравниваются с монгольскими гидронимами: калм. *усн*, письм.-монг. *усу/ысун*, ср.-монг. *усун* «вода» и кит. *chuan* «река» (южн. диал.); в данном случае мы можем говорить об анлаутном чередовании *с/ш/щ/ч*;

10) *уу* – в якут. языке и т. д.

Сравнивая эти факты, ученые реконструировали праформу общетюркского номинанта воды в виде **сув* (А.М. Щербак) или **суу* (В. Банг, Л.С. Левитская) [15, с. 326]. Мы представляем архетип этого корня в виде **су* с учетом распространенности его трансформ не только в тюркских, монгольских, но и в других языках (корейск., япон., кит., даргин., табасар., лак. и пр.).

По мнению В. Банга, якут. *уу* произошло из **суу* в результате выпадения начального дентального согласного [15, с. 327]. Ср. аналогию: кирг. *сут* «молоко» и якут. *үүт* «молоко» [14, с. 161].

Рефлексии пракорня **су* в разных тюркских и других евразийских языках выражают значения:

1) «вода» во всех языках;

2) «сырой, влажный, мокрый» в кирг., ног. языках;

3) «река», «поток» в тур., азерб., балкар., кирг., каракалп., ног., башк., узб., алт., хакас., тувин., чуваш. языках, в диалектах уйг. языка, в кит. языке;

4) «арык» в узб. языке;

5) «ручей» в кирг., тат., тувин. и других языках;

6) «напиток» в др.-тюрк., кирг., чуваш. языках;

7) «питье, жидкость» в якут., кит. языках;

8) «сок» в туркм., тур., азерб., кумык., узб., кирг., тофалар., кит. языках;

9) «закалка (металла)» в кирг., в диалектах тур. языка;

10) «блеск» в тур. диалектах, в др.-тюрк. и т. д. Значение «сок», конечно, связанное: туркм. *үзүм сувы*, кирг. *жүзүм суусу* «виноградный сок» (где *-су* – притяжательный аффикс 3-го лица), чув. *хуран шыве* «березовый сок», гагауз. *лимон суйу* «лимонный сок» (где *-у* – притяжательный аффикс 3-го лица), башк. *кайым хывы* «березовый

сок» и др. Наличие в киргизском языке и сочетания *жүзүм ширеси* «виноградный сок» позволяет первый слог словоформы *ширеси*, т. е. *ши-*, сопоставить с чувашским номинантом воды.

Фонетическое варьирование номинантов воды встречается не только в кумыкском языке и его диалектах, но и в киргизском языке. Слово *суу* в различных контекстах и в составе различных лексем приобрело множество трансформ;

1) *сув/суб* в юго-западных и северо-западных говорах языка (в речи баткенцев: *сув апке* «принеси воды», ср. литературную форму *суу алып кел* в том же значении);

2) *сув/суб* «остывание, охлаждение, успокоение», *сувут/сувутув/субут/субутув* «успокоить, успокоение; выстойка, охлаждение (потной лошади), тренировать/тренировка лошадей; в лит. языке *суут/суутуу*;

3) *сы* «вода» в составе географического названия *Аксы* (название городка и района), восходящего к архетипу *Ак-Суу* (букв. «белая вода», «ледниковая вода»);

4) *сук* «злое существо в образе женщины, живущее в воде»: *Суудан чыккан сук-суңбу?* «Не дева ли ты водяная?» (фолькл.);

5) *суй* «вода» в киргизско-русских (двуязычных) гидронимах: (*Аксуйский район, Карасуйский район* по-киргизски: *Ак-Суу району, Кара-Суу району*); *суй-* в словах: *суюк* «жидкий, негустой, беспутная, ветреная (о женщине), *суюлуу* «разжижаться, становиться жидким, негустым, редким» и т. д.;

6) *суг* в словах *сугарма* «орошение», *сугат* «место водооя; полив (напуском), орошение, ирригация», *сугаруу* «поить/поение (животных), орошать/орошение, поливать (напуском)/полив; закалять/закалка (железа)», *сугатчы* «поливальщик; человек, поливающий посеы»;

7) *сөө* в слове *сөөлжан* «дождевой червь», возникшем в результате пермутации звуков *л* и *ж* из словосочетания *суу жылан* (букв.) «водяная змея» (о происхождении слова *жылан/йылан/йилан* в тюркских языках см. [1, с. 34–38]);

8) *суй* в составе топонима *Суяб*, являвшегося названием города – столицы Караханидского государства в Чуйской долине Киргизии, который был разрушен во время нашествия Чингиз-хана; вторая часть этого топонима (*-аб*) имеет иранское происхождение и тоже означает «вода»;

9) топоним *Чуй* (по-казахски *Шу*) «река, долина», по-видимому, имеет китайское происхождение [6, с. 206, 362];

10) *суу* «вода, река, речная долина; сырой, влажный, мокрый; закалка (железа); сопливый, слабый, трусливый, боязливый; пройдоха, ловкач; остывание, охлаждение» – ср., например, идиомы: *бел суу* «сперма» (букв. «спина + вода»), *суу мурун* «сопляк» (букв. «вода + нос»), *суу жүрөк* «трус, трусливый» (букв. «вода + сердце»), *сары суу* «сыворотка, сукровица» (букв. «желтая + вода»), *сууган күлүк* «скакун, подготовленный к скачкам» (букв. «остывший + скакун») и др.;

11) а) *суук* «холод; мороз; холодный, морозный»: *кун суук* «погода холодная», *суук чай* «холодный чай»; б) слабость организма, вызванная отсутствием или нехваткой калорийной пищи: *суугум ашты окшойт* «мне кажется, (в моем организме) не хватает калорийной пищи», где *-ум* – признак 1 л. ед. ч.; в) «неприветливый, противный, апатичный»: *түрү суук* «неприятного вида, неприятный на вид»; *суук ооз* «со злым языком», *суук кабар* «неприятное известие»;

12) производные слова: *суулуу* «водяной, водянистый», *суучул* «пловец, хорошо плавающий человек, аквалангист» и др.

Некоторые элементы семантической системы киргизского названия воды встречаются и в других тюркских языках. Например, значение «поить/поение (животных), орошать/орошение» передается словами:

- а) *сувар* – в туркм., тур., азерб., казах. языках, в диалектах узб. и уйг. языков;
- б) *сувгар* – в тат., алт., хакас. языках, в диалектах кумык., кирг. и уйг. языков;
- в) *суга/сугар* – в уйг. языке;
- г) *суга* – в лобнор. языке;
- д) *суггар* – в тувин. языке;
- ж) *хугар* – в башк. языке.

Значение «орошать, поить» передается словами *суват*, *сугат* в др.-тюрк. языке; словом *сувал* в лобнор. языке; значение «закачивать (металл), закачивание (металла)» – в казах., каракалп., тат., башк., узб. и других языках.

От древнего слова **су* «вода», вероятно, образовано общетюркское слово с суффиксом *-сун* в значении «сыворотка; напиток, жажда», которое реализовано в различных вариантах и трансформах: *суусун/сусун* в др.-тюрк., кирг. языках; *сусын* в тат. языке, в говорах башк. языка; *сувсын* в казах., каракалп., ног. языках; *сывсын* в говорах башк. языка; *суузын* в алт. языке, *суксун* в тувин. языке, *сухсун* в хакас. языке, *хывхын* в башк. языке [14, с. 328].

Приведенный выше сравнительный материал позволяет заключить, что все многообразие трансформ номинантов воды в тюркских языках может быть сведено к архетипу **су* «вода». Рефлексии этого пракорня встречаются в дагестанских, монгольских, корейском, китайском, японском и других языках. К пракорню **су* «вода» можно возвести индоевропейский корень **su-*, представленный в прус. *suje/suge* «дождь», тохар. (А, Б) *su-*, *swa-* «лить (о дожде)», *swase/swese* «дождь» [4, с. 769]. С этим пракорнем сравниваются общекартвельское **siw* «пить» и семито-хамитское **shw* «пить» [12, с. 28; 4, с. 769].

Теперь мы попытаемся произвести этимологический анализ некоторых периферийных репрезентативов концепта «вода», встречающихся в языковых семьях Евразии.

2. Рефлексии пракорня **ak-* «вода» в ностратических языках. Корень **ak-* встречается в целом ряде языковых семей:

1) в индоевропейских языках: лат. *aqua* «вода», гот. *aha*, др.-верх.-нем. *aha* «поток, воды», хетт. *eku-*, лув. *aku-*, палайск. *ahu-* «пить» и т. д.;

2) в кушитской группе семитохамитских языков: дембья, кемант, куара *axi*, авийа *axī*, дамот *aguo*, хадида *iho*; джанджеро *aka/akka* «вода», тамбаро *waha*, сидамо *wako* «вода» (с протетическим звуком); ираку *āha* «пить»; в эфиопских языках: аргаббо *āhua*, амхар. *wukā* «вода» (с протезой);

3) в дравидийских языках: ката *āk* «болото», кодагу *āka* «участок (поливной) земли» [7, с. 276];

4) в дагестанских языках: хварш., гунзиб. *ēxu*, цез. *игьу*, хинал. *иху*, бежитин. *эхо/эхе* «река», авар. *их/ихх* «весенний поток» [13, с. 75–76];

5) в тюркских языках *акъ-* «течь, протекать».

Мы ниже более подробно остановимся на вопросе о происхождении и функционировании трансформ общетюркского корня.

1) *акъ-* в туркм., крым.-тат., караим. (крым. диал.), кумык., карач.-балк., кирг., казах., ног., каракалп., тат., башк., уйг., сарыг-югур., алт., тувин. языках;

2) *ак-* в тур., гагауз., караим. (галиц. диал.) языках;

3) *ах-* в азерб., караим. (тракайск. диал.), хакас. языках;

4) *йух-* в чуваш. языке (с протетическим *й-*);

5) *ыг-*, *ыыг-* в диалектах узб. языка.

Вариант с узким гласным, конечно, является вторичным и возводится к древнему и распространенному варианту с широким гласным (*ык < ак*).

Корень *акъ* в тюркских языках выражает следующие значения:

- 1) «течь, протекать, вытекать» во всех языках;
- 2) «проливаться» в туркм., крым. языках;
- 3) «капать» в караим. (крым. диал.) языке;
- 4) «сочиться, струиться» в кумык., карач.-балк., ног., тат. языках;
- 5) «быть унесенным водой, течением» в азерб., кирг., кумык., алт., хакас. языках;
- 6) «плыть» в кумык., караим. (тракайск. диал.), алт., хакас., чуваш. языках;
- 7) «сыпаться, течь (о сыпучих телах)» в чуваш. языке;
- 8) «бегать глазами с предмета на предмет» в сарыг-югур. языке;
- 9) «тайком убираться, удирать» в отдельных источниках [15, с. 118–119].

Мы считаем, что общетюркский корень *акъ-* «течь, протекать» сближается с рефлексиями ностратического пракорня **ak* по звуковому облику и значению, называя, правда, не субстанцию воды, а способы ее существования и движения в природе.

3. Рефлексии пракорня **man-/nam* «вода, река, важный»

Метатеза *man-/nam* имеет место в тюркских языках: *man-* «окунуть в воду» в турецком языке (ср. *-ман* в слове *туман*) и *nam* «влажный, мокрый» в узбекском языке, *ным/нам* (в говорах) в том же значении в киргизском, а также в японском, где *пот-/поти-* «пить» [11, с. 103].

А.П. Дульзон, рассматривая происхождение гидронимов на *-ман* в Сибири (*Симан, Туман, Куман* и др. названия рек), пишет, что в Сибири «...гидронимы на *-ман* являются субстратными как для кетов, так и для самодийцев. Это видно из того, что встречаются названия на *-ман*, к которым еще прибавлено слово кетское или южносамодийское со значением «река», например: *Туман + шет, Тумань + жа, Куман + дам*. Связывать поэтому непосредственно компонент *-ман* с глаголом *man-*, имеющим в турецком, чагатайском, казанско-татарском и команском значение «окунуть в воду», вряд ли следует. Более вероятной является связь с индоевропейской основой *mano-, mana-* «влажный, мокрый» (ср. лат. *manare* «течь»), имеющей свое соответствие в кельтских и германских языках. В древнесаксонском встречаются даже названия рек с окончанием *-mannia, -mennia*» [5, с. 14–17].

Латинское *manare* «течь», конечно, находится в деривационных отношениях с субстантивом *amnis* «поток» с метатезой в начальной части слов [4, с. 670]. Метатезу *man/нам* мы встречаем и в корейском языке, где слово *nam* имеет значение «река», «залив» (*Беңгаль ман* «Бенгальский залив»).

Признание метатезы **man-/nam-* «вода, течь, пить» позволяет шире посмотреть на состав гидронимов в языках Евразии.

Рассмотрим некоторые гидронимы со значением «вода», «река», «море» в языках тайской семьи. Слово *nam* «вода» встречается во всех языках этой группы:

- 1) *nam* в стандартном тайском (сиамском) языке, в языках белых тай, камти, шан, ахом, в диалекте пьо языка суй, во всех говорах хайнаньских ли (кроме говоров хэйту и цзямао);
- 2) *ngam* [нам] в диалекте лингам языка суй;
- 3) *naam* в говорах након ситам, након паном, рой эт в Таиланде, в говоре цзямао южного диалекта ли, в языках мак, тьен (янхуан), диалекте юницзян языка суй;
- 4) *nam* в языке тай лы, языке тхо, диалекте лунчжоу языка чжуан, диалекте чиенгмай в Таиланде;

5) *паать* в говорах *южный сурат*, *удон* и *сакон наком* в Таиланде;

6) *пот* в говорах *баодин* и *хэйту* поддиалекта *ха* северного диалекта языка *ли*, в языке *онг бе (шули)* и т. д.

Фонетическое сходство, семантическое тождество и повсеместная распространенность вариантов данного слова позволяют считать его исконно тайским и восходящим к праформе **пат* «вода». Исконность трансформ этого слова подтверждается и тем, что оно входит в значительное число сложных слов тайских языков. В стандартном тайском (сиамском) языке имеется слово *пăт*, развившее ряд значений «вода», «жидкость», «вода (степень прозрачности бриллианта)» и входящее в состав многих производных слов: *пăт-таа* «слеза», *пăт-лааи* «слюна», *пăт-тхуи ат* «наводнение», *пăт-тааи* «отлив», *пăт-кхуин* «прилив», *пăт-кхаăнг* «роса», *пăт-тôк* «водопад», *пăт-пхй* «ключ, родник, фонтан», *теё-пăт* «большая река (мать + река)» и т. д.

Слово *пăт* «река» встречается в составе гидронимических терминов в названиях рек Таиланда: *мэнам Тьау Прайя*, *мэнам Мун*, *мэнам Пасак*, *мэнам Сонгкрам*, *нам Лой*, *нам Ун*, *нам Мыанг*, *нам Бон До*, *нам Сон*, *нам Пхам*, *нам Пхунг* и др.

В первых четырех гидронимах содержится значение «большая река». Считаем значение «река» производным, а значение «вода» – исходным, первичным [2, с. 87–88].

4. Пракорень **kul* «озеро, небольшой водоем» в языках Евразии

Данный корень имеет рефлексии в алтайских языках. Он широко представлен в тюркских языках в значении «озеро»: кирг., кумык., хакас., алт. *көл*, тув. *хөл*, карагас. *көл/хөл*, салар., тур., гагауз., азерб., тухм. *гөл*, туркм. *көөл/гөөл*, якут. *күөөл*, караим. *гөл/гел* (в диалектах), тат. диал., узб. *күл*, чуваш. *күлĕ*. В киргизских гидронимах *Каракол* («черная река»), *Улакол* («гора+река»), *Сарыкол* («желтая река») второй корень *-кол* выражает значение «река, проток» [8, с. 11–12].

В монгольских языках трансформы корня приобрели несколько отличающиеся значения: монг. письм., ойрат. письм. *көл* «залив», калм. *көл* «разлив». Ср. кирг. *көлдөө* «разливаться (о воде), наводнение», монгольское *гөл* «река, родник, заболоченное озеро, сухое русло, мертвая долина» [8, с. 13].

Эти примеры фонетически и по семантике сходны со словами в уральских языках: удмурт. *калым* «пруд, речной залив», коми диал. *ты-кела* «озерко, заболоченное место, мелкий залив», манс. *kěl-* «болото, топь», ханты *kel-* «болото», селькуп. *kuel* «речной, озерный залив». С этими примерами сближаются дравидийские слова: тамил. *kulam* «водоем, озеро», малалаям *kulam* «водоем», каннада *kola* «пруд», тулу *kula* «водоем, пруд», телугу *kolamu/kolāku* «водоем, пруд» и др.

Данные сравнения подкрепляются фактами из семито-хамитских языков: сходные корни имеются а) в чадских языках: нгала *kulā* «пруд», логоне *kula* «озеро, пруд», будума *kəlu* «озеро», кури *kalu* «река», гидер *ij kele* «вода», ангас *kur* «глубокий пруд», сура *kwā* «долина», бата, зань *gere* «река»; чири *koraj* «река», сокоро *korō* «пруд»; б) в кушитских языках: дембья, куара, кемант *kurā* «река», галла *kurē* «речушка», билин *kurā* «река» и др. [7, с. 305–306].

Примеры, аналогичные приведенным, встречаются в дагестанских языках: 1) в агул. *кьир* «болото», рут. *кьыриши* «болото, грязь», табасар. *кьир*, *де-гер*, *да-ггар* «болото»; 2) агул., рут. *хьер* «вода», хиналуг. *хьу* «вода»; лезг. *гьуьл* «море», табас. *гьуьл* «море», крыз. *гьул* «море», агул. *хьул* «море, озеро»; 4) гунзиб. *клар* «озеро, пруд», чамалин. *агьир* «озеро»; анд. *ьигьур* «озеро, пруд» (с протетическими звуками), рут. *гул*, цахур. *голь*; 5) даргин. *хьеркI*, рут. *кур* «река»; 6) агул., лак. *кьулла*, анд. *кьгулла*, *кьгул* (с эпентетическим звуком) «родник, ключ». Данные названия водоемов этимологически идентичны с точки зрения сравнения с семито-хамитскими, точнее с чадско-

кушитскими языками. В сопоставляемых примерах есть семантико-фонетическая близость и чередование *-л/-р* в финальных частях корней [13, с. 73–76].

5. Рефлексии пракорня **kan* «вода»

В языках Евразии данная праформа представлена широко. Она встречается во многих языковых семьях, варьируясь морфонологически (*kan/kam/han/kom*) или же подвергаясь пермутации (*kan/nak*). Рефлексии праформы **kan* мы встречаем в индоевропейских языках: авест. *han/hon* «источник», древнеинд. *kat* «вода», *kom/kat* «большой полноводный канал», латин. *kanal* и др. Ср. *хани/хуни/ханик/хуник* «водоём, источник воды в современных иранских языках» [9, с. 180].

Корень *kat* «вода» встречается и в пермских языках финно-угорской семьи. Слово *kan* имеет значение «вода, река» в корейском (*Москва-кан* «Москва-река») и эвенкийском языках: *Оллонокон* «рыбная река» (*оллонго* «рыба»), *Кочокон* «извилистая река» (*кочо* «извилистый») и т. д. [7, с. 147]. Трансформы рассматриваемого корня представлены в тюркских языках в виде *kan/кам/кем*. *Кем* – старое название реки Енисей. Вторые слоги в топонимах Сибири *Орхон*, *Абахан* (*-хон*, *-хан*) выражают значение «река» [8, с. 5–6]. Их звуковые различия подчинены закону сингармонизма и продиктованы гласными звуками предшествующей основы. Точно так же в киргизских названиях рек *Чычкан*, *Барскоон* вторые слоги могут быть возведены к корню **kan*, т. е. *-кан* и *-коон* из **kan*. Сходные слова мы находим и в дагестанских языках: цахур. *хъан* «вода», арчин. *къан* «река», агул. *хъхъем* «роса», лак. *хъхъен* «роса». Ср. также лак. *макъ* «слезы», арчин. *макъ* «роса», которые представляют собой метатезу по отношению к агул. *хъхъем* «роса» [13, с. 74–75].

6. Рефлексии пракорня **li* «вода, течение»

В дагестанских языках имеют место гидронимы, которые возводятся к данному архетипу: беж., цез., чам. *љи*, гин. *лье*, хвар. *льо*, тинд. *лье*, ахв. *льен*, анд. *льльен*, чам. *льли*, ав. *льльин*, годоб., ботл. *льени*, арч. *льан*, *льльан* «вода» [13, с. 74]. Эти примеры не являются исключительными и соотносятся с аналогичными корневыми морфемами в других языковых семьях. К пракорню **li* возводимы многочисленные гидронимы в славянских языках. В качестве примера приведем весьма продуктивный русский корень, реализуемый в алломорфах *ли/лив/ль*, обозначающий движение жидкости в пространстве и представленный в словах и словоформах *лить*, *лью*, *ливень*, *слив*, *полив* и т. д. Дагестанско-славянские корни обнаруживают материально-смысловое сходство с китайскими первичными слогами.

В ханью имеются слоги, обладающие общим звуковым обликом и инвариантной семантикой «движение жидкости в пространстве». Инвариантное значение, варьируясь и трансформируясь в речевой цепи, сохраняя общую сему, приобретает в дискурсе различные дополнительные смыслы и оттенки. В синологических исследованиях приводятся и комментируются следующие экспоненты константного значения «движение жидкости в пространстве»:

1) *lín* «затяжной дождь», *lín* «намокать, промокать, увлажняться», *lìn* «капать, подтекать, подсачиваться», *lín/lìn* «поливать, орошать, мочить», *lìn* «процеживать, фильтровать»;

2) *lǐú* «течь (течение), литься; стекать, струиться», *lǐū/liù* «стекать, вытекать» [6, с. 110].

В ханью, как видим, значение «движение жидкости (влаги) в пространстве» передается в рамках двух типов слога: *lin* и *liu*, которые дифференцируются по тону и графически изображаются с помощью семи иероглифов. Все смыслово-стилистическое многообразие инвариантного значения заключено в трансформах двух (с точки зрения

русского языковедческого мышления) слогов, а точнее – семи реальных слогов. Китайские слоги концентрированно передают трансформы константного значения в рамках ограниченного числа звуков, обнаруживают этимологическую идентичность с дагестанскими и славянскими гидронимами.

Приведенный выше сравнительный материал свидетельствует о том, что в языках Евразии имеется много общих корней-гидронимов. Пока трудно говорить, какие из них являются этимологически идентичными, а какие возникли в результате контактов предков современных этносов. Считаем, что гипотеза о ностратической прасемье языков позволит нам шире смотреть на приведенные и другие факты разных языковых семей и определить закономерности их отдаления друг от друга в процессе своего развития.

Литература

1. Амиралиев С.М. О некоторых словарных общностях тюркских и китайского языков // Вестник Ошск. гос. ун-та. – 2017. – Вып. 5. – С. 34–38.
2. Благонравова Ю.Л. К проблемам родства и сродства тайских языков // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. – М., 1983. – С. 80–91.
3. Дыбо А.В. Об этимологических параллелях в грамматике алтайских языков // Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой семьи. – Бишкек, 2017. – С. 751–761.
4. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I, II. – Тбилиси, 1984. – 728 с.
5. Дульзон А.П. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения // Топонимика Востока: новые исследования. – М., 1964. – С. 14–17.
6. Зултукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языковедение. – Бишкек, 2010. – 768 с.
7. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь / под. ред. В.А. Дыбо. – 2-е изд., испр. – М., 2003. – 408 с.
8. Ким Ч.Л. Гидронимический ареал *-кан* в средней Сибири // Топонимика Востока: новые исследования. – М., 1964. – С. 146–149.
9. Мурзаев Э.М. Центральноазиатские топонимические миниатюры // Топонимика Востока: новые исследования. – М., 1964. – С. 3–13.
10. Саввина В.Х. О типах топонимов Ирана // Топонимика Востока: новые исследования. – М., 1964. – С. 149–176.
11. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М., 1974. – 767 с.
12. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. – М., 1991. – 298 с.
13. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. – М., 1973. – 179 с.
14. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л., 1970. – 204 с.
15. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на Л, М, Н, П, С. – М., 2003. – 466 с.

Поступила в редакцию 2 июля 2018 г.

UDC 811.512

DOI: 10.21779/2542-0313-2018-33-3-52-60

On the Origin of Hydronyms in Nostratic Languages

K.Z. Zulpukarov, S.M. Amiraliev, U.N. Kamardinova

Osh State University; Kyrgyzstan, 723500, Osh, Lenin, st., 331; zulpukarov48 @ mail.ru, sem.87.90 @ mail. ru

The article aims to determine the etymology of the most common hydronyms in Nostratic languages. It is clear that the concept of "water" exists in the mind of every person. Its nominees are a variety of language tools – sound-letters (for example, in the word HYD, the water symbol is the initial sound-letter), symbols (for example H₂O), words, parts of complex words (water, hydro, aqua, etc.), phrases, proverbs, sayings and other aphoristic means, texts of different volumes. The main nominee for the concept of "water" in nostratic languages is ancient root *su, realized in various options (suv / su / sui / syu / shui...) and possessing universality and neutrality of its semantics. These qualities are not possessed by other hydronyms. For example, representatives of the meanings "ice", "snow", "hail" denote a denotate in the solid state, words with values of "steam", "fog", "cloud" – in the gaseous state, nominees for "rain", "shower", "stream" and others are called water sources, lexemes "hydrometeorology", "water meter", "water level" denote "water" operations with the help of certain devices, words "to pour", "wash", "swim" denote actions related to the corresponding substance, etc. These water nominees reflect the peripheral components in the semantic system of the concept of water.

The paradigm of the nominees for the concept "water" is huge, has several hundred names, distinguishes between types and subtypes, classes and subclasses, and therefore can be subject to special consideration.

The article is devoted to a comparative study of the origin of the most productive hydronyms in the context of the nostratic theory in comparative studies.

Keywords: *hydronym, concept "water", nostratics, etymology, comparative studies, Turkic languages, nostratic languages.*

Received 2 July, 2018